

Первый

1

Пока он выходил на свой невозможный взлет,
женщины где-то развешивали белье,
в звонкую синь, наполненную до краев,
из-под руки глядели.

Ничто не вещало ни радости ни беды посреди недели.
И никто не думал о нем,
не знал о нем.

А когда, возвратившись из мертвенной темноты,
полубогом ступил на твердь литосферной плиты,
две нездешние сапфировые звезды
из-под смуглого лба горели.

И его, сопричастного чуду и высоте,
принимали в объятья ликующие сыны
по широкой суше раскинувшейся страны
и всей планеты.

Он был первым.

Навсегда первым
измочаленным вымпелом веры в великий ход
за пределы озоновой толщи, сквозь вышний свод
к никому не доступной, но сокровенной цели.

А сам он всего-то еще раз хотел туда,
где лаковый бок затягивает вода,
а черный проем заполняет густая россыпь –
в его космос.

2.

Звездным принцем чеканно вошел в историю,
молодостью на бессмертие опечатанный.

От мечты об изнанке неба навек оторванный,
в последнем рывке отчаянном
похоронен под горами каменно-
металлической памяти.

Обнуляемся

Обнуляемся.Серая морось пылит в окно.
Снега в этом году не допросишься у зимы.
Оттого на дворе небеленое полотно,

безузорные лужи глянцевоы и темны...
но погодный режим не важен.

Обнуляемся. Стрелка очертит финальный круг,
оглушают бокалы и очередь римских свеч.
Вдоль экранов остервенело поют и пьют –
пять минут –
замирая, врастают в чужую речь,
отливая чернильным блеском зрачковых скважин.
Обнуляемся рокотно под неизменный «Бом-м-м-м»...
Ворожит огонь, пузырьки поднимают взвесь.
Принимая время авансовым платежом,
уповаем на то, что запас на кредиты есть.
На неделю переходим на черепаший.
Обнуляемся. Диво – уже удлинился день –
оползает сумрак раньше на сто секунд.
Открывая глаза в новорожденном январе,
с замиранием кроткие тихого чуда ждут.
Затухают помалу гирлянды многоэтажек.

Вечер клубится в неоновой паутине,
Струи симфоний вплетая в бульварный гул.
Скучная геометрия строгих линий,
Тихая странность зловещих оконных дул...
Город, сигналивший, громкогудящий, здравствуй!
Свет, попадая на кожу, кипит, шипя.
Я ощущаю тебя подреберной частью
и завещаю распутицу февраля
каждому, кто, выходя под густое небо,
голову запрокинув, врезался в мглу
и, отпружинив трогательно нелепо,
падал обратно.
Роздано по рублю,
и по серьгам сестрам – без суда и спроса
это наследство. Размазано по шоссе.
Фуры его в заповедную даль увозят,
в лоно проселков, где вечер исконно сер.
Мы же стоим посреди выхлопного чада,
люменами реклам опалив глаза,
нам ничего не надо,

только стоянье рядом
и смотровой площадки
взлетная полоса.